

Знаешь, Танюш, мне показалось, они все пришли со мною попрощаться

Вольная лира

Сегодня в «Вольной лире» мы публикуем отрывок из книги «Пережитое. Письма мужу», презентация которой прошла на прошлой неделе. Ее автор – Татьяна Данилова, жена бывшего гендиректора ВАЗа Виктора Полякова. Это книга воспоминаний, мысли, положенные на бумагу после смерти мужа. Вдова разговаривает с Виктором Николаевичем, вспоминая их совместную жизнь, друзей, новогодние посиделки в московской квартире. Отрывок, который мы выбрали для сегодняшней публикации, касается последних дней жизни Полякова и его смерти, причем, как часто бывает, не обошлось здесь и без элемента мистики, ведь Виктор Николаевич умер в ночь, когда заканчивался его контракт с ВАЗом.

Добрый вечер, Витя!

Сегодня памятный день, день твоего рождения. Я в Тольятти, сижу в кресле в своем номере гостиницы «Юбилейная»¹. День был торжественно-суматошный, эмоциональный и печальный, конечно. С утра были на кладбище, постояли у твоей могилы, потом митинг у памятника тебе, который год назад 19 апреля, в День первого автомобиля, открыли на заводской площадке. Потом была встреча ветеранов в музее завода. Вот только недавно разошлись последние гости, комната моя опустела. В ней еще стоят голоса – как много доброго, хорошего было сказано о тебе сегодня.

А я всеминаю сейчас, что последний день 3 марта в своей жизни ты провел на рабочем месте в Тольятти. Уж такой у нас календарь, что праздничные дни в разные годы приходятся на самые разные дни недели и числа. Даже если наступал самый значительный день, и на него выпадало запланированное рабочее меропр-

ятие, все равно важнее всего было дело. Все равно – в самолет и туда, где ждут срочные дела. Так случилось и в тот март 2004 года.

Дома я нашла твою фотографию. Мне кажется, она была сделана именно в этот самый день.

Когда вернулся в Москву, как всегда, сидя за нашим уютным столом, ты рассказывал мне об этом дне рождения, оказавшемся совершенно непохожим на предыдущие. Помолчал, а потом немного грустно произнес: «Знаешь, Танюш, мне показалось, они все пришли со мною попрощаться».

И такая безысходная тоска прозвучала в твоём голосе...

Так случилось, Витя, что предчувствие не обмануло тебя.

В последний вторник мая 2004 года мне очень нужно было вечером уйти из дома на некоторое время. Я попросила тебя вернуться с работы домой пораньше, чтобы успеть покормить и по своим делам не опоздать. Помню голос твой в телефонной трубке: «Ну

что ты волнуешься, Танюш?! В первый раз, что ли? Сделай как всегда, приготовь и оставь. И все. Подогреть-то я сумею».

Действительно, приготовила и оставила как всегда: на столе закуска, на плите суп. Любимую гречневую кашу, сняв с плиты, завернула в плед и оставила на столе. Ушла, и все-таки тревожно было на душе.

Часа через два с половиной вернулась домой. И сразу – к тебе. Ты сидел на своем обычном месте в холле, напротив телевизора. Я смотрю на тебя. Ты смотришь на меня, но не говоришь ни слова. И глаза неподвижные. Подхожу, целую – молчишь. Замечаю: пиджак не снят, лацканы какие-то грязные. На столе опрокинутая кружка, чай пролит.

– Витя, что случилось?! Молчание в ответ.

Подошла к креслу, а ты взял мою ладонь и левой рукой крепко-крепко сжал ее и держал, не отпуская.

Понимаю. Но надо же было что-то делать! С трудом освобождаю руку. Срочно звоню в скорую. Выслушиваю обычные вопросы: кто, что, какая температура? Я очень внятно объяснила ситуацию. Срочно вызвала сына. Володя пришел раньше скорой, но изменить, конечно, не мог ничего. Мы только смогли довести тебя до постели. Подоспевшие врачи при очень беглом осмотре пришли к единому решению – немедленно в больницу! Ты, очевидно, все слышал и понимал, что тебе уготов-

лено, и стал упираться как только мог. Так было во всех случаях, когда вопрос стоял о больницах. Как же ты их боялся! Но санитары оказались сильнее.

У нас в доме нет грузового лифта, а в обычный носилки не входили. Выносили тебя на одеялах. Достаточно жалкое зрелище. Мы с Володией спустились следом. Хотели поехать с тобой, но нас категорически не взяли. Проводили тебя взглядом.

Окончание на стр. 15

1. Гостиница, расположившаяся на улице Юбилейной в Автозаводском районе Тольятти. Изначально строилась как рабочее общежитие и в середине 80-х годов использовалась для размещения граждан Демократической Республики Вьетнам, прибывших на работу в Тольятти, на Волжский автозавод в соответствии с межгосударственным соглашением. С 1993 года работает в статусе гостиницы, которая в основном используется для проживания иностранных специалистов, работающих по контрактам на АВТОВАЗе. Место традиционного проживания ветеранов Волжского автозавода, приезжающих для участия в корпоративных праздниках из Москвы.

Окончание. Начало на стр. 7

Поднявшись в квартиру, уж я дала волю слезам. Володя успокаивал, даже организовал по чашечке крепкого горячего чая. Хотел подправить обстановку. Я крепилась. Глаза высыхали, но вместе с ними высыхала и моя душа.

Потом уже проанализировала: использованную от ужина посуду ты успел собрать и поставить в раковину; думала, что кашу ты не тронул (кастрюлька была завернута в плед), но развернула и обнаружила, что поел и опять в плед завернул; согрел и налил себе чаю, отнес его к столу, и вот только там это «что-то» случилось.

А что если бы я была дома? Могло бы это отвести неотвратимое? Мучит меня этот риторический вопрос до сих пор!

На другой день с утра я пришла к тебе в больницу. Врачи обещали сделать все возможное, но уверенности в их голосах я не слышала. Очень трудно отказаться от надежды. Я была рядом с тобой.левой рукой ты по-прежнему крепко сжимал мою руку. Это страшно, когда кроме бессилия ничего в арсенале помощи нет.

Успела еще раз приехать к тебе. Когда дотронулась до руки, ты приоткрыл глаза. Они были такими же, как всегда, но мне больше уже ничего не сказали. Несколько секунд – и ты смежил веки и больше их уже не раскрывал.

Рано утром первого июня раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку, я уже знала, зачем он звонит. Володя сообщил, что минувшей ночью тебя не стало.

Ты и не знаешь, что за несколько дней до случившегося я нашла две маленькие записочки, написанные на страничках из блокнота, с совершенно одинаковым содержанием. В них был номер сберкнижки, которую ты мне оставлял, и несколько слов: «Прошу: кремация в Москве, похороны в Тольятти». И всем известная твоя подпись внизу.

Я не могу не отдать должное твоей мудрости. Хотя иногда, когда болел, и она тебе изменяла.

Болезнь можно по-разному. Иногда так приятно денек-другой поваляться, побездельничать. К тебе все внимание окружающих. Кто-то придет навестить, принесет свежий анекдот, посплетничает. Каждый развлекает больного как может. Но когда находишься в приближении к неведомому миру, то каждое неловкое слово, произнесенное собеседником, может очень обидеть. Какой мне надо было быть аккуратной в реакции на каждое твое слово, движение, просьбу, когда ты болел. Стоило мне задержаться где-нибудь в другом конце квартиры, обижался:

– Бросила меня, конечно, я понимаю....

– Вить, ну ты же спал, а я там делами занималась.

Если сидел в своем любимом кресле с бумагами – упрек:

– Никогда ты ко мне не подойдешь, не поцелуешь!

И так что-то в этом духе постоянно.

Больницы ты боялся как по-

Знаешь, Танюш, мне показалось, они все пришли со мною попрощаться

жара. Обвинял меня в том, что стремлюсь освободиться от тебя, «спихнуть», как ты выражался. Но делать-то нечего – ты был болен, и значит, надо лечиться. Тем более что я каждый раз все равно была рядом.

Сначала дочь Людмила соблазнила тебя какими-то невообразимыми возможностями НИИ на Пироговке, совсем недалеко от нас. Заведующий отделением взял тебя. Но вот беда – профиль его был кардиологический. Тебе просто там нечего было делать. Да и сам заведующий боялся, что случится непоправимое и он будет в ответе. Поэтому быстро организовал твою выписку домой.

А в последний раз, буквально за несколько дней до нового 2004 года, Николай Иванович Рыбин² совершил невозможное: добился, чтобы тебя положили в самую-самую лучшую больницу, на Мичуринском проспекте. Мы к ней были прикреплены все 11 лет и 3 месяца – весь твой министерский срок. Тогда профессор, который тебя наблюдал, был в очень большом сомнении по поводу

и только после ужина уходила домой. К тебе приходили сотрудники московской дирекции ВАЗа, обсуждали проблемы, получали задания, разговаривали с тобой по телефону. А как раз в середине января, 14-го числа, тебя отпустили домой. Доктор облегченно вздохнул, уверял, что нам мучиться осталось недолго.

Надежда Семеновна³ по твоей просьбе пригласила домой мастера, тебя прибрели, постригли, причесали, короче, привели в порядок. Навещал тебя дома тот самый профессор, дивился мужеству, упорству и такому страстному желанию жить. Врач из поликлиники, которая за тобой наблюдала, по возможности и лечила. Медсестра два раза в неделю творила буквально чудеса, делая тебе процедуры. И ты – встал! А еще через некоторое время вышел на работу. Не мог остановиться – каждые две недели до самой смерти летал (летал!) на свой любимый ВАЗ! Последняя поездка была в конце мая.

...Около нашего дачного домика по обе стороны от крыльца растет по деревцу вишни. И какими они становятся замечательными во время цветения, пышными, как зефир, от этих нежных белых соцветий! До чего они всегда были хороши! Крыльцо как бы обрамлялось венком из веток пышно цветущих вишен.

Так было и тогда, в одно из воскресений конца мая. День клонился к концу, мы собирались домой. Вещички были уже около калитки, и в ожидании машины ты присел на крыльцо. Кто-то из родственников нацелился на тебя объективом фотоаппарата. Я не могла упустить случай и прильнула к тебе. Фотография получилась очень хорошая. Моя любимая. Последняя.

Дня через три после съемки мне понадобилось вновь заехать на дачу. Я не узнала эти деревца: цветы и листья были совершенно черными...

А через неделю ты умер⁴. Мистика какая-то.

Вот такие печальные воспоминания посетили меня сегодня. Не могла не написать об этом, ведь тебе уже не суждено было знать, как прошли последние часы твоей жизни.

Смерть – вообще мистический процесс, мне кажется.

Ты знаешь, Витенька, письма к тебе я писала (ты всех приучил к экономии) на любой подвернувшейся бумаге – это были и обрывки календарных листов, и блокнотные листочки, и твои старые служебные бумаги. Ту сторону, которая уже была использована, я перечеркивала крест-накрест, ну, чтобы сразу было видно, что это оборот, что к моим воспоминаниям не имеет отношения. Однажды так перечеркнула очередной попавшийся под руку лист. Механически. Потом уже, тут же, сразу увидела на нем твою подпись. Прочла. Это был твой контракт с ВАЗом. Вчиталась. Сначала не могла понять, что же такое не отпускает меня от этого текста. А потом сразу ударило в глаза – дата! Соглашение с тобой было подписано 1 июня 2003 года. Сроком ровно на один год. До 1 июня 2004 года. Витенька, даже в смерти своей ты не изменил себе, своей рабочей пунктуальности – умер в ночь того дня, когда твой контракт с ВАЗом заканчивался!

Прости мне мои слезы, которые льются сейчас. Я знаю, что ты, Витя, все видишь и слышишь. Конечно, что это я... Размокрилась.

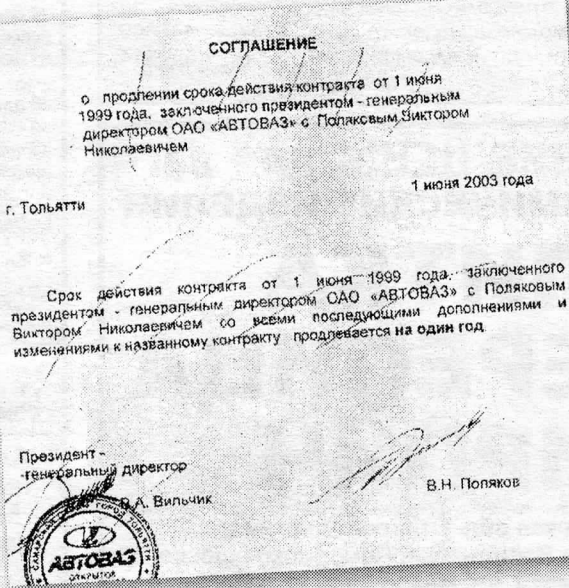
В нашей жизни было столько много хорошего и веселого! Обязательно напомню тебе об этом в моих письмах. Спи спокойно, дорогой мой друг.

Твоя Танюша

2. Рыбин Николай Иванович – долгие годы заместитель директора московского представительства ВАЗа.

3. Надежда Семеновна – секретарь Виктора Полякова в период его работы министром.

4. Виктор Николаевич Поляков скончался на 90-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни. Гражданская панихида-прощание и кремация тела покойного на центральном (Банькинском) кладбище Тольятти прошло захоронение праха Героя Социалистического Труда, кавалера орденов Ленина, Трудового Красного знамени, медали ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, выдающегося организатора отечественной автомобильной промышленности, бывшего министра автомобильной промышленности СССР, почетного гражданина города Тольятти и Самарской губернии.

поправки больно-го и предупредил, что мы привезли человека в больницу умирать. Три недели ты все-таки провел там. Надо было видеть со стороны, какие ты прилагал усилия к выздоровлению, как боролся с собой, заставлял себя делать просто непосильные действия. В твоих порывах помочь себе участвовали все, кто мог быть поблизости. Больше всего доставалось мне. Спину вот себе подпортила. Но надо было – значит, надо, и все! В больницу к тебе ездила каждый день к 10 утра